

П. ПРОСКУРИН: «...Пришла пора осмыслить какие-то вещи, которые можно осмыслить только с достигнутой вершины возраста. Задумал новый цикл произведений. Очень хочется понять, что же такое современный человек, через какие этапы он прошел, прежде чем стал таким, каков он есть».

СОБЕСЕДНИКИ

С момента, как книга прочитана, начинается ее самостоятельная жизнь. Ни вмешаться в нее, ни что-то в ней изменить писатель уже не может. Ему остается лишь запастись терпением и ждать, как будет почувствовано и понято то главное, ради чего писалась книга.

«Читал, переживал, волновался. Все близко, знакомо, видно, все так и было». (И.

ДИАЛОГ: ЧИТАТЕЛЬ — ПИСАТЕЛЬ

Петр ПРОСКУРИН

Копенкин, Усть-Каменогорск). «Мы не только прочли книгу, пережили жизнь всех положительных героев. Товарищ Проскурин, почему погиб Николай Дерюгин? Это несправедливо» (от имени читателей горьковского НИИавтоматпрома — Р. Хуцишвили).

«Прошу сообщить: 1. Возраст П. Проскурина. 2. Краткую биографию. 3. Кто введен под именами Петрова, Муравьева, Брюханова, Чубарева? 4. Верно ли, что Сталин так часто смотрел «Пиковую даму», или это домysel писателя?» (И. Божко, Запорожье).

«Спасибо за «Судьбу» и ее продолжение «Имя твое». Правда, хочется вас попросить чуть-чуть углубить образы детей Брюханова. У вас получился пленительный образ Ксении-ребенка, и совсем неинтересна Ксения-девушка». (Н. Киселева, Воронеж).

«Выступающие на конференции товарищи высоко оценили роман, но они высказали неудовлетворение тем, что враг народа Анисимов так до конца и остался неразоблаченным». (Л. Баскина, Гомель).

«В 1977 году у меня были большие трудности. Выйти из них мне помог Захар Дерюгин, который, несмотря на все выпавшие на его долю несчастья, сумел остаться человеком». (А. Анастасьев, ассистент кафедры ТГУ, 29 лет). Какие они разные, эти письма! Сразу и не определишь, чего в них больше — вопросов или оценок, рассказов о своей жизни или размышлений по поводу судеб героев.

С разрешения Петра Лукина Проскурина я несколько дней подряд знакомилась с

читательскими откликами на его диологию. В них искренняя признательность за книгу, помогающие многое понять в себе, в человеке вообще, в них ценные свидетельства той внутренней работы, которую прочитанное производит в душе.

Предельно доверительные, эти письма-исповеди сами воспринимаются как увлекательная книга, герой которой, современный читатель, предстает личностью думающей, ищущей, способной противостоять обстоятельствам, личностью борющейся, убежденной в победе добра над злом.

Как-то Проскурин говорил, что пишет для того идеального читателя, образ которого он выносил внутри себя. Спросила: совпадает ли этот гипотетический образ с портретом реального читателя его диологии?

— На редкость совпадает, — отозвался он.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Когда Проскурин спрашивают о героях его диологии, он отвечает, что почти все они пришли из брянской деревни Косицы, родины писателя. Если вспомнить, что в «Судьбе», «Имени твоем» бо-

ред казнь герой романа «Глубокие раны» юный подпольщик Андрей Веселов.

...На встрече в Брянском педагогическом институте Проскурин спросила студентка: «Что делать, когда жизнь теряет смысл? Как вы поступаете в трудные моменты?» «Очень просто, — последовал лаконичный ответ. — Я сажусь работать».

Надо знать хотя бы вехи проскуринской биографии, чтобы увидеть, насколько далек писатель от какой-либо поэмы.

Едва огненный коток войны покатила назад, на запад, он наравне со всеми принялся строить временные землянки на пепелищах, распахивать изувеченные поля. И потом, вплоть до призыва в армию, все послевоенные засушливые и неурожайные годы была эта работа: «тяжелая, крестьянская, когда не считали времени и сил».

Не тогда ли зародилась в душе искра сказать свое слово о людях, величии и силе характера которых он начал осознать?

Сегодня, размышляя, Проскурин формулирует:

— Я, быть может, поставил перед собой задачу непосильную — дать средней полосе Нечерноземья, из кото-

— В этой сцене для меня сконцентрирован смысл диологии, которая, собственно, и родилась потому, что однажды, восемнадцать лет назад на берегу Амура, куда в те годы имел обыкновение приходить с карандашом и бумагой, сцена эта вдруг с необычайной яркостью предстала передо мной, — рассказывал писатель. — Правда, научный эксперимент, согласно тогдашним достижениям техники, проводился на земле, но чувства ученого, его мысли, что только в упорном стремлении бесконечно пробиваться к неведомым пределам, к бесконечной истине и есть великая радость жизни, сам момент гибели — все это было пережито очень глубоко. Я записал тогда на клочке бумаги: «Крестный путь человечества к звездам не мог прерваться. То, что случилось, было лишь еще одной вехой на этом нескончаемом и необозримом пути». Задумав вначале роман о современности, я после первых глав увидел, что написать его невозможно без исследования всех причинных и следственных связей, без осмысления тех огромных и малых событий нашей истории, которые сформировали и определили развитие такой личности, как Николай Дерюгин. Так возникла тема «Судьбы».

ЗАКОНОМЕРНЫЕ

лее четырехсот действующих лиц, станет понятно, что вопрос «Как вы стали писателем?» на недавней встрече в Косицах был задан ему не из праздного любопытства. Проскурин выступал здесь не просто перед читателями, он, если тут уместно это слово, отчитывался перед людьми, чьи черты столь явственно проступают в веренице образов эпопей. И они, эти люди, хотели понять, как и почему писатель ощутил потребность рассказать всему миру об их жизни, что способствовало проявлению художнического дара в человеке, который до поры до времени, казалось, ничем не выделялся из их среды.

Никто не знает, как рождается талант, но начало книги всегда надо искать в том, что пережито писателем.

Когда заходит речь об истоках творчества, перед его глазами вновь и вновь встает именно эта картина: словно вымершая улица оккупированного Севска и на ней виселица с казненными патристами, среди которых такой же, как он сам тогда, мальчишка.

Это не забудется никогда, как никогда не забудутся и слова учительницы Александры Митрофановны, услышанные им в тот страшный день. «Я все понимаю, — сказала она потрясенному подростку, — но не надо слез. Скоро все переменится. Помни, что быть человеком всегда трудно».

Придет время, и его рука выведет: «Не годы сделали нас взрослыми. Война научила нас мыслить. За короткое время она открыла нам то, что другой не узнает и за всю жизнь». Так напишет пе-

рого я вышел, крупный, общенный художественный характер и через него проследить те изменения, какие он претерпел на протяжении последних шестидесяти лет, то есть существования нашего Советского государства.

А в те годы он просто учился выражать себя в слове. С 15 лет он пишет ежедневно — в колхозе, в армии, на Камчатке, куда уехал по набору и где работал лесорубом, сплавщиком, трелевщиком, шофером... Пишет, сокращая часы сна, отдыха, — в любых условиях, будь то каютка старшины, комната общежития, временная в тайге, вагон поезда или гостиничный номер. Пишет повести, пьесы, рассказы, поэмы и... не показывает их никому.

После окончания срока договора на Камчатке он приезжает в Хабаровск автором уже почти готового романа «Глубокие раны».

— В моей жизни нет ничего примечательного, — замечает Проскурин, — разве кроме того, что мне встретилось очень много интересных людей... Когда я был молод, они учили меня работать, а когда я стал писать книги, они учили и учат меня понимать жизнь так, как она есть.

ВОПРОСЫ, ВОПРОСЫ...

На встрече в Доме ученых города Томска Проскурин спросила, как и почему возникла именно такая финальная сцена в «Имени твоем» — в ходе опыта на космической станции погибает Николай Дерюгин. На земле еще пока не знают об этом.

Почему погиб именно Николай? — спросите вы. Наверное, потому, что такова объективная историческая правда, которую писатель обязан выразить. Потому что жертвуют собой всегда самые лучшие, самые бесстрашные, те, кто идет в передовом отряде, первопроходцы, прокладыватели путей для тех, кто пойдет вслед за ними.

Но как бы ни была трагична смерть, она не может заглушить всепожидающее чувство жизни. Со смертью Николая не прервется род Дерюгиных, живы его братья, родится и продолжит дело отца его сын или дочь. Подумайте, сколько потенциальной силы заложено в детях, внуках и правнуках наших! Всю систему образов я подчинил выражению центральной мысли диологии, выражаемой кратко: народ творит историю, судьба народа — это неразнимаемая историческая цель с самых древнейших времен и до наших дней.

В письмах и записках во время выступлений мне задают много вопросов о «главном герое» диологии Захаре Дерюгине, критикуют за то, что я якобы «поставил точку на судьбе Захара, когда ему исполнилось всего 48—50 лет». В частности, мои оппоненты, рабочие московского завода «Компрессор», доказывают, что именно теперь, после плавания, после всех страшных испытаний, выпавших на его долю, ему в самый раз снова взяться за председательство в колхозе.

Хотя желание моих читателей вполне понятно и объяснимо, в художественном мире романа, в котором живет и действует мой герой, случилось то единственное, что и должно было случиться. Жизнь

— это неостановимое движение, и как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, так нельзя вернуться в прошлое, в молодость. Захар в свои пятьдесят лет не может остаться прежним — и именно в силу того, что ему довелось пережить. Захар во второй половине жизни, может быть, один из самых интересных образов для меня. Это духовно созревший, красивый человек, оценивший свои возможности, осознавший, что каждый на своем месте несет ответственность за все, что происходит в жизни, способный брать эту ответственность на себя.

А вот еще укор: почему Анисимов так до конца и остался неразоблаченным? Хочу задать встречный вопрос. Разве все, из чего состоит жизнь, когда-нибудь обрывается и исчезает? Разве борьба старого, уходящего и нарождающегося, нового может быть окончена? Разве мир, окружающий нас, спокоен и совершенен?

Ты пишешь, читатель судит. Все верно. Но читатель судит литературных героев, исходя из собственных представлений о добре, зле, справедливости. Мне говорят: несправедливо, что ушел от возмездия Анисимов, что погиб Николай. Справедливо, чтобы Захар, несмотря на изменившиеся условия,

да собирается полный заряд этого материала, тогда и рождается художественный образ, потому что он вбирает в себя всю правду, но не конкретно, отдельного человека, а правду обобщенную, синтетическую.

Таковы в дилогии образы коммунистов. В них привнесено многое от моего личного общения с товарищами по партии, по борьбе. Таких людей, как Брюханов, Пекарев, Дерюгин, я встречал на протяжении всей жизни. Знаю их и сейчас. И это тоже заставляет при исследовании эпохи идти не по поверхности, а вглубь, пласт за пластом.

Многих интересует, в какой последовательности идет работа над романом. Конечно, все начинается с замысла. Его возникновение связано у меня с очень острыми переживаниями. Неведомо откуда накатывает тоска по чему-то такому, что в тебе живет, волнует, тревожит и к чему — до определенного момента — никак не удается подойти. Волна за волной несется эмоция, с ними невозможно справиться, они сильнее тебя, это ком каких-то противоречивых чувств. Вместе с тем в недрах сознания уже присутствует понимание конечной цели. Это момент наивысшей собранности, концентрации единства и простоты.

ма диологии полностью держалась в голове, сцены шли не вслед друг за другом. Писал кусками, потом склеивал, компоновал их. Когда свел окончательно, заново переписал роман. Словом, лишь где-то после четвертой редакции начал проступать облик вещи, близкий к уже известному.

А потом, как обыкновенно, шла еще доводка по языку, по литературной форме. Но на любом этапе работа приносила свое удовольствие.

Я сознательно избрал формой повествования эпопею, пожалуй, самый сложный в литературе жанр. Но до эпопеи надо было пройти свой путь. У меня он оказался равным пятнадцати годам. Я не мог осуществить свой замысел сколько-нибудь раньше в силу ряда причин. Недоставало знаний, культуры языка, то есть того, чем человек овладевает, лишь переработав необходимое количество уже достигнутого в духовной культуре народа.

Без знания жизни роман нельзя написать. Но и без знания культурного наследия, без знания литературы, без опоры на эти могучие корни роман невозможен.

Одним из «современных» учителей считаю Леонида Леонова. Я прочитал всего Леонова, когда уже год или два ра-

слово оборачиваются целой сюжетной линией, ты не можешь ее из себя придумать. Вообще, художник никогда ничего не придумывает, он только отражает — через свою душу — уже известное.

— Неужели вы навсегда расстались со своими героями?

— Да. Хотя, признаюсь, поставив точку на завершающей фразе, я испытал щемящее чувство потери. Было жалко прощаться с ними, столько лет поглощавшими лучшие мои силы. Хотелось продолжения, уже зыбко проступали контуры новой истории, вырисовывалось нечто вроде повести о сыновьях Тихона Брюханова и Захара Дерюгина. Но груз давних привязанностей к героям мешал эволюции писателя. Просто необходимо было разорвать пути, которыми на протяжении стольких лет меня связывала семья Дерюгиных.

Вы знаете, пришла пора осмыслить какие-то вещи, которые можно осмыслить только с достигнутой вершины возраста. Задуман новый цикл. Очень хочется понять, что же такое современный человек, через какие этапы он прошел, прежде чем стал таким, каков он есть. Первая повесть из этого цикла уже закончена. Она — о пути человека к себе настоящему. Мне кажется, что по мысли, по повороту во взгля-

НЕЧАЯННОСТИ ЗАМЫСЛА

потребовавшие появления Николая Дерюгина, вновь оказался впереди, чтобы Анисимов получил по заслугам, чтобы, наконец, Николай Дерюгин остался жив.

Представил вдруг роман с такими «счастливыми концями». И знаете что? Я бы его просто уничтожил. Потому что такой роман убавкивал бы людей, не готовил бы их к борьбе. К борьбе за справедливость.

Ушедший в неизвестность, нераспознаваемый в своем времени и своем окружении Анисимов, Анисимов, которого жизнь, так ненавистная ему, попросту растворила в себе самой, делает для конечного торжества справедливости гораздо больше, нежели тот выданный с корнем чертополох, о котором и голова не болит. Ибо мой Анисимов мобилизует бдительность, не дает возрасти семенам благодушной успокоенности.

НАД ЧИСТЫМ ЛИСТОМ

О художественном произведении говорят, что оно есть продукт свободного творческого воображения. Все это так. Но воображение развивается только тогда, когда отталкивается от реальности. Писательская работа ведь не заключается только в том, чтобы вообразить и написать. Прежде всего нужно подготовить поле для письма, собрать материал. Можно представить его горой цемента, щебенки или грудой каких-то папок с документами. Но материал искусства — это материал особенный, это прежде всего то, что извлечено писателем из души людей, это эмоциональный, исторический, нравственный их опыт. Вот ког-

Замысел — зерно, из которого развивается роман. Но как нельзя предугадать по семечку облик будущего взрослого дерева, так и писателю не может быть заранее известен результат. Да он об этом и не думает. Он просто работает.

Все в природе развивается по определенным законам. Художественное произведение тоже. Допустим, роман создается в течение пяти лет. Так вот, очень многое зависит от событий, которые происходят в этот момент в стране и в мире. Через писателя роман вытягивает в себя все ветры времени, все симпатии и антипатии вокруг того, о чем пишет автор.

По материалу первый вариант у меня бывает всегда довольно приблизительный. Это тот первобытный материковый камень, создав который, надо потом садиться и терпеливо, прилежно его точить: что-то убрать, что-то затемнить, а что-то, наоборот, высветлить. Если разобрать поэтапно (потому что работа над романом распадается на множество этапов), как строилась «Судьба», как строилось «Имя твоё», то вы угадаете не более трети первичного материала. Все остальное наращивалось или убиралось в ходе многочисленных переделок. То открывался новый интересный материал, как, например, в сценах со Сталиным, где число переделок доходило до двадцати, то уже готовые эпизоды оказывались лишними, то какие-то яркие куски отвлекали внимание в ущерб главному.

Отбор фактического материала я подчиняю основной идее. Что не продвигает мысль вперед, безжалостно отбрасывается.

Несмотря на то, что вся те-

ботал над «Судьбой». И представьте, все забросил, что написал, начал заново. Под его влиянием и под влиянием Шолохова я решился пойти на такие усложнения, на которые раньше просто боялся идти.

Я понимал, что рано или поздно приду к осуществлению замысла. Но через какую-то промежуточную инстанцию. Чтобы справиться с широтой художественного охвата, надо было овладеть романом мастерством, литературным ремеслом. Думая о дилогии, я отдаю свою замысел и пишу «Горькие травы». Этот роман стал школой овладения драматургией, трагедией, эпической панорамой, да и просто школой гражданской ответственности. Затем в фундамент будущей эпопеи закладываю второй кирпич — роман «Исход». Работа над ним — это попытка по-настоящему осмыслить тему войны. И затем понадобилось еще одна отправная точка — «Камень сердолик», вещь, в которой решаюсь со стороны взглянуть на судьбу провинциального художника. Одним словом, только после этих подготовительных романов почувствовал в себе силу приняться за реализацию замысла дилогии. Помогло и то обстоятельство, что я переехал в Орел, попал в родную языковую стихию, оказался в магнитном поле народа, в поле, присущем только срединной России с ее невзгодами, скорбью, потерями и надеждами. Образы стали наполняться жизнью, герои заговорили, задвигались. Потому что когда живешь в той среде, о которой пишешь, то все окружение начинает на тебя воздействовать и поднимать, поднимать... Случайная сцена на базаре, подслушанное в поезде

де и даже по форме это лучшее из всего, что я пока написал.

Параллельно складывается автобиографическая книга. Стараюсь разобраться в себе самом, осмысливаю встречи с разными людьми — рабочими, учеными, партийными работниками, литераторами...

— В какое время года и где вам лучше всего работается?

— Все зависит от того потока, в который ты впрягся. Когда работается, могу писать всегда и везде. Место не имеет значения.

— Видите ли вы недостатки в своих вещах?

— Да.

— В этой связи вопрос. Видимые вам недостатки замечает ли критика, совпадают ли оценки?

— К сожалению, не совпадают. На внутреннее, видимое мне недостатки критика ни разу не указала. Как ни странно, их чувствуют читатели. Я получал письма с содержательнейшим разбором, они кладут на романы совершенно неожиданный ответ, о котором я не подозревал. Критика же часто рассматривает произведение с позиций и непонятных, и неинтересных для автора.

— Роман написан. Что вы испытываете?

— Желание положить рукопись в стол. Пусть отлежится. Испытываю чувство облегчения. Но ненадолго. Вот сейчас в ящике стола «остывает» роман о Москве, об историках. Через шесть-восемь месяцев я к нему вернусь. И все начнется сначала. Вещь никогда не бывает завершена, потому что всегда можно сделать лучше, чем получилось.

Закончил
В. ПОМАЗНЕВА